

РОЛЬ ПАРЕМИЙ В СОЗДАНИИ ПЕРЛОКУТИВНОГО ЭФФЕКТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

*Работа представлена кафедрой теоретической и прикладной лингвистики
Кубанского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е. Н. Рядчикова

Статья посвящена прагматическим аспектам паремиологических выражений в рамках теории речевых актов. Цель работы: выявить особенности реализации паремий в дискурсе, определить влияние паремий на результат общения. В статье представлены разновидности перлокутивного эффекта.

Ключевые слова: *паремия, перлокутивный эффект, перлокутивное оскорбление, паремии-провокаторы, обратная перлокуция.*

I. Gorban'

ROLE OF PAREMIES IN THE PERLOCUTIONARY EFFECT CREATION IN THE BELLES-LETTRES DISCOURSE

The article is devoted to the pragmatic aspects of paremiological expressions within the framework of the speech act theory. The aim of the work is to reveal the peculiarities of paremy realisation in a discourse, to define the influence of paremies on the result of intercourse. Varieties of perlocutionary effect are presented in the article.

Key words: *paremy, perlocutionary effect, paremies-instigators, reverse perlocution.*

В отношении термина «паремия» отечественные лингвисты до сих пор не выработали однозначного определения. Традиционно

паремии считались литературоведческими понятиями, их подробно изучали в русле фольклорных жанров. На современном этапе

развития науки объем понятия «паремия» увеличился (некоторые ученые относят сюда не только пословицы и поговорки, но и басни, сказки, притчи, цитаты, имена собственные, ставшие нарицательными, песни и т. п.). Языковедам изучение устойчивых сочетаний представляется перспективным в русле теории речевых актов и лингвистической прагматики [3; 4; 6; 8; 9; 10].

Интерес к явлениям прагматики возник в 60–70-е гг. XX в. Речевая деятельность стала рассматриваться как одна из форм жизни. До этого структурная лингвистика стремилась освободить язык от внешних контактов. Явления, связанные с психологическими, стилистическими и собственно коммуникативными аспектами речи, не являлись предметом ее внимания.

Одним из известных и перспективных направлений прагматики является теория речевых актов (ТРА), или «теория речевой коммуникации» [1, с. 8], связанная с именами таких ученых, как Дж. Остин, Дж. Сёрль, П. Ф. Стросон, П. Грайс и др. Подход к речевому акту как к способу достижения человеком определенной цели и исследование под этим углом зрения используемых им языковых средств – главная особенность ТРА.

Важным для нас является понятие перлокутивного акта и связанного с ним перлокутивного эффекта (что не представляет особого интереса непосредственно для ТРА). Перлокутивный эффект, который может быть определен как результат выполнения перлокутивного акта, важен, поскольку в общем определяет успех речевого акта в целом. Успешное достижение перлокутивного эффекта свидетельствует о целесообразности использования именно данных языковых средств в конкретном контексте при конкретных личностях коммуникантов. Понятие перлокуции, малозначимое при анализе элементарного звена коммуникации, каким понимается речевой акт, становится весьма значимым, когда мы рассматриваем речевой акт в дискурсе, в единстве с другими актами, составляющими реальную ситуацию общения. Дискурс – это речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, компонент, участвующий во взаимодействии лю-

дей и механизмах их создания; это речь, «погруженная в жизнь» [5, с. 40].

Обратимся к примерам. Пословица *ври дурак что хочешь, со вранья пошлин не берут* изолированно, вне контекста может быть рассмотрена как характеристика человека, а по классификации речевых актов ее можно отнести к разряду директивов. Погруженная в художественный дискурс, эта паремия приобретает иную иллокутивную цель. Приведем пример *разговор о пословицах*:

Добролюбов. Я знаю много и русских очень справедливых; не правда ли, сударыня (к Софье)?

Софья. Правда.

Сын (к Софье). А какие ж?

Софья. Например, сударь: **ври дурак что хочешь, со вранья пошлин не берут.**

Бригадир. Так, матушка, ай люблю! Вот тебе и пословица и загадка. А ежели хочешь ты, Иван, чтоб я отгадал ее, так дурак-от выйдешь ты [11, с. 69].

Перед нами пример перлокутивного эффекта употребления паремий в дискурсе. Разновидность данной перлокуции можно охарактеризовать как **перлокутивное оскорбление с ироническим оттенком**.

В отдельную группу можно выделить паремии, которые в речевом акте могут быть провокаторами, т. е. побуждать к ссоре, вызывать конфликт. Их можно назвать паремии-конфликтогены. Обратимся к примеру:

– *А вот я тебя сгною в деревне. Я тебе покажу, как шута перед барыней разыгрывать! Посмотрю, как «тебе самому деньги были нужны»!*

– *Это как вам будет угодно. Я и здесь в превосходном виде проживу.*

– *Ах ты, хамово отродье! скажите на милость!*

– *Мерси бонжур. Что за оплеуха, коли не достала до уха! Очень вам за ласку благодарен!*

– *Вон! – крикнула она, делая угрожающий жест и в то же время благоразумно ретируясь* [7, с. 320].

Представляется интересным такое явление, когда одна и та же паремия, реализованная в разных речевых ситуациях, подводит к различным перлокутивным решениям. На-

пример, пословица **кто старое помянет, тому глаз вон** обычно употребляется в контексте прощения, примирения враждующих сторон, если не хотят вспоминать прошлых обид, неприятностей. Но в следующем примере употребление этой пословицы не связано с примирением:

– Ну, а вы как? В Россию возвратиться не рассчитываете?

– Что я там забыла... срам один! Здесь-то я хоть в экономках служу, никому до меня дела нет, а там... Нет, видно пословица правду говорит: **кто старое помянет, тому глаз вон!** [7, с. 433].

На «поверхностном» уровне эта паремия, согласно стандартной классификации РА, относится к классу репрезентативов (констатация фактов). Но, анализируя «глубинный» смысл, следует отметить, что в данном случае у субъекта речи не произошло примирения с внешним миром. Человек сам себя не прощает, ему стыдно за свои поступки в прошлом, и он наперед принимает решение за других не в свою пользу. Внутреннее умозаключение субъекта «нет мне прощения» не совпадает, противоречит общепринятому значению пословицы. Другой пример:

– Брось все это. Теперь другое время, другие песни и к старому возврата нет. Знаешь, как говорят в народе: **кто старое помянет, тому глаз вон.**

– Мне не нравится эта формула, – говорю я.

– Почему?

– Что-то в ней есть угрожающее. Как бы не окриветь [2, с. 418].

Здесь тоже не происходит прощения, примирения, но модель (схема) иная. Изначально пословица звучит как призыв к прощению, ее иллокутивная цель именно такова. Выражая свои интенции, первый участник коммуникации апеллирует к авторитету пословицы (ее общепринятому значению). Но

желаемого для него перлокутивного эффекта не происходит. Перлокутивный эффект, безусловно, есть. Но это не примирение и дружба, а несогласие и возражение. Такое явление можно характеризовать как **перлокуция, обратная авторским интенциям.**

Отметим еще одну особенность, характерную для создания перлокутивного эффекта с участием устойчивых сочетаний, – ирония, реализующаяся в речевом акте посредством **сочетания фразеологизма и паралингвистических средств.**

– Мы напрасно пренебрегаем народной фармакопеей, она начала бороться со склерозом раньше, чем господа ученые выдумали это слово. Кстати, чем не тема для кандидатской диссертации? – Он нашел глазами Вдовина и улыбнулся ему. – Возьми, Николай Митрофанович. Перспективное дело, прямо золотая жила. – Сказано это было с таким натуральным дружелюбием, что было трудно заподозрить издевку. И так же естественно он спохватился: – Прости, я и забыл, ты ведь уже защитил...

Это была отравленная стрела совершенно в духе Успенского, с ядом замедленного действия. На этот раз спектакль удался на славу [2, с. 35].

Декодировать смысл авторских намерений в выборе устойчивого сочетания «золотая жила» читателю помогают именно паралингвистические средства (мимика, интонация).

Таким образом, можно назвать некоторые особенности функционирования паремнологических сочетаний в речевых актах. Паремии, как и другие языковые единицы, могут создавать в речевой коммуникации перлокутивный эффект (перлокутивное оскорбление с ироническим оттенком, провокация конфликта, перлокуция, обратная авторским интенциям; для правильной интерпретации устойчивого оборота в дискурсе авторы привлекают в качестве помощников паралингвистические средства).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клюев Е. В. Речевая коммуникация. М., 2002. 270 с.
2. Крон А. Бессонница. М., 1980. 517 с.

3. *Курбатова Н. В.* Паремии, паремические выражения и народные суждения как отражение национально-культурной специфики языковой картины мира (на материале ново(древне)греческого и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2002. 199 с.
4. *Назарова И. П.* Функционирование библеизмов в русском и немецком языках и лингвопрагматические особенности вариантов перевода: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2001. 171 с.
5. *Рядчикова Е. Н.* Современные концепции лингвистического анализа художественного текста // Текст. Дискурс. Коммуникация: Коллективная монография / под ред. проф. Е. Н. Рядчиковой. Краснодар, 2003. 326 с.
6. *Рядчикова Е. Н., Горбань И. В.* Роль паремий в речевом акте // Современное русское языкознание и лингводидактика: сборник материалов Междун. юбилейной научн.-практ. конф., посвященной 80-летию академика РАО Н. М. Шанского. М.: МГОУ, 2003. 319 с. С. 282–285.
7. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Пошехонская старина. М.: Худ. лит., 1980. 527 с.
8. *Сидоркова Г. Д.* Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия: монография. Краснодар, 1999. 250 с.
9. *Сытникова Ф. Х.* Фразеология и паремиология безразличия как зеркало социальной апатии // Язык в мире и мир в языке: мат-лы научн. конф. Сочи; Карлсруэ; Краснодар, 2001. С. 118–119.
10. *Фанян Н. Ю.* Аргументативное пространство фразеологизмов // Язык в мире и мир в языке: мат-лы Междун. научн. конф. Сочи; Карлсруэ; Краснодар, 2001. С. 121–124.
11. *Фонвизин Д. И.* Бригадир // Сочинения. М.: Правда, 1981. 320 с.

REFERENCES

1. *Klyuyev E. V.* Rechevaya kommunikatsiya. M., 2002. 270 s.
2. *Kron A.* Bessonnitsa. M., 1980. 517 s.
3. *Kurbatova N. V.* Paremii, paremicheskiye vyrazheniya i narodnye suzhdeniya kak otrazheniye natsional'no-kul'turnoy spetsifiki yazykovoy kartiny mira (na materiale novo(drevne)grecheskogo i russkogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2002. 199 s.
4. *Nazarova I. P.* Funktsionirovaniye bibleizmov v russkom i nemetskom yazykakh i lingvopragmaticheskiye osobennosti variantov perevoda: dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2001. 171 s.
5. *Ryadchikova E. N.* Sovremennyye kontseptsii lingvisticheskogo analiza khudozhestvennogo teksta // Tekst. Diskurs. Kommunikatsiya: Kollektivnaya monografiya / pod red. prof. E. N. Ryadchikovoy. Krasnodar, 2003. 326 s.
6. *Ryadchikova E. N., Gorban' I. V.* Rol' paremiy v rechevom akte // Sovremennoye russkoye yazykoznanie i lingvodidaktika: sbornik materialov Mezhdun. yubileynoy nauchn.-prakt. konf., posvyashchenoy 80-letiyu akademika RAO N. M. Shanskogo. M.: MGOU, 2003. 319 s. S. 282–285.
7. *Saltykov-Shchedrin M. E.* Poshekhonskaya starina. M.: Khud. lit., 1980. 527 s.
8. *Sidorkova G. D.* Pragmatika paremiy: poslovitsy i pogovorki kak rechevyye deystviya: monografiya. Krasnodar, 1999. 250 s.
9. *Sytnikova F. Kh.* Frazeologiya i paremiologiya bezrazlichiya kak zerkalo sotsial'noy apatii // Yazyk v mire i mir v yazyke: mat-ly nauchn. konf. Sochi; Karlsrue; Krasnodar, 2001. S. 118–119.
10. *Fanyan N. Yu.* Argumentativnoye prostranstvo frazeologizmov // Yazyk v mire i mir v yazyke: mat-ly Mezhdun. nauchn. konf. Sochi; Karlsrue; Krasnodar, 2001. S. 121–124.
11. *Fonvizin D. I.* Brigadir // Sochineniya. M.: Pravda, 1981. 320 s.